

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА
РОССИЙСКИХ РАБОЧИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ СОЕДИ-
НЕННЫХ ШТАТОВ И
КАНАДЫ.

РАССВЕТ

OFFICIAL ORGAN OF
THE RUSSIAN TRADE
UNIONS OF THE UN-
ITED STATES AND
CANADA

A RUSSIAN DAILY NEWS "RASSVIET-THE DAWN"

THE ONLY RUSSIAN DAILY NEWSPAPER IN AMERICA, OUTSIDE OF NEW YORK, PUBLISHED DAILY EXCEPT SUNDAYS AND HOLIDAYS, BY THE RUSSIAN PUBLISHING COMPANY, INC.

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА ГАЗЕТЫ „РАССВЕТ“ открыта ежедневно, кроме
воскресных дней, от 9 часов утра до 7 часов вечера.
ТЕЛЕФОН РЕДАКЦИИ: MONROE 7261

Entered as Second Class-Matter, August 4th, 1917, at the Post Office at
Chicago, Illinois, Under the Act of March 3rd, 1879

ОТДЕЛЕНИЕ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ ГАЗЕТЫ „РАССВЕТ“ В ДЕТРОИТЕ:
9219 RUSSELL ST., DETROIT, MICH.
Tel. Longfellow 4130

НИК: ЗЛАТОГОРОВ.

ДОСТОЕВСКИЙ, СОЦИАЛИЗМ И Личность

(Окончание).

Среди этих двух полюсов и между ними, преимущественно, социальные идеи Достоевского. Здесь была задача соединить два прарада высших благ — личности и общества. Но все сильнее к концу жизни он склонился в одну сторону. В чем спасение от смертельной опасности крайностей индивидуализма? Только в единении людей, отвечает Достоевский.

Какое то всемирное братство пришло к нему, где великие гимны личных творческих сил сольются в единой "Осания" человеческой семье. Последние годы жизни ("Дневник писателя") эта мысль о всеобщем единении особенно преследовала Достоевского. Только мысли он ее не столько в терминах политических и экономических, сколько в религиозно-этических.

"Когда же пресечется рознь и соберется ли когда нибудь человек вместе?" — вот главная мучительная мысль Достоевского в "Дневнике", как результат наблюдений над разрозненностью, конкурентской борьбой капиталистического мира Западной Европы, где Достоевский провел несколько лет. "Деревенская" Русь с ее "общинным духом", с ее "мужиком Матреем", так ласково пригласившим До-

стоевского — ребенка, казалась носительницей начала единения, странной "всемирного боления за всех" ("Подросток"). — Вот почему верилось, что из России придет начало "всемирного братства людей". Это, конечно, как показала история, было ошибкой чувствования Достоевского, как было ошибкой и убеждение особенной жавительности социализма (от "пить", а не "пить") спле православной веры. Но это частности! Для нас важен общий дух устремлений Достоевского... "Всемирное единение людей" — вот что "гвоздем" входит во все существо Достоевского. Отсюда, с самых юных лет его интерес ко всему тому в литературе, философии, социальных учениях, что может дать пищу для обобщения убеждения в возможности "Золотого века" впереди. Кстати, сказать, жена Достоевского рассказывает, что в Дрездене была любима ее мужем картина, которую он называл для себя "Золотой век". Для этой картины, для "свидания" с ней, Достоевский раз'езжал в Дрезден специально, не раз, и стоял много прать перед ней часами. Так мечта о "Золотом веке" жила в его душе остро и беспрерывно.

Почти все книги Достоевского после Сибири как бы лишаются, но замечанию Гроссмана, результатом напряженной внутренней борьбы, стремлением разрешить вопрос о свободном духовном об'единении человечества и о "хлебе земном" в виде социализма.

Одухотворить социализм через свободную, но просветленную, не "ядовитую" для целого, личность — вот чего ищет Достоевский. Но его "социализм" не "христианский социализм" пасторов, где чувствуется "ласковая" рука церкви, а таковой (в мечте), где из великого свободного проявления "я" — рождается свободно и благо общее.

В день смерти своей первой жены, Марии Дмитриевны, Достоевский записал в записную книжку ряд замечательных размышлений: "Возлюбить человека, как самого себя, по заповеди Христовой не возможно. Закон личности на земле связывает, я препятствием. Один Христос мог, но Христос был вечный, от века идеал, к которому стремится и по закону природы (вспомним наше упоминание о биологии, Н. З.) должен стремиться человек. Между тем, после появления Христа, как идеала человека во плоти, стало ясно, как день, что высочайшее последнее развитие личности именно и должно дойти до того, в самом конце развития, в самом пункте достижения цели, чтобы человек пошел, сознал и всей силой своей природы убедился, что высочайшее употребление, которое может сделать

человек из своей личности, из полноты развития своего "я" — это как бы уничтожить его это "я", как бы уничтожить его это "я", отдать его целиком всем и каждому безусловно и беззаветно. И это величайшее счастье. Таким образом закон "Я" сливается с законом гуманизма и в сущности оба, и "я" и "все" (повидимому, две противоположности), взаимно уничтожаясь, в то же самое время достигают и внешней цели своего индивидуального развития каждый особо. Это то и есть рай Христов. Вся история, как человечества, так, отчасти, и каждого отдельно, есть только развитие, борьба, стремление и достижение этой цели.

"Итак, человек стремится на земле к идеалу, противоположному его натуре" (очевидно, имеются в виду эгоистическо-зверские элементы таковой. Н. З.), продолжает Достоевский.

"Когда человек не исполнил закон стремления к идеалу, т. е. не принесил любовь в жертву свое "я" людям или другому существу (я и Маша), он чувствует страдание (по Шпенгелю — страдание от подчиненности "мировой воле". Подчинение этой "воле" противоположно "любви" Достоевского, Н. З.) и назвал это состояние грехом ("грех" — от "необузданного зверя"). Страдание это уравнивается райским наслаждением исполнения заветов, т. е. жертвой. Тут то и рай вообще вечнее. Иначе земля бы была безмысленна..."

Итак, мы видим, что Достоев-

ский, еще задолго до смерти, как бы наметил путь к "Золотому веку", к "царству Божию на земле", слив интересы "я" и целого, мотивы религиозные с мотивами социального осуществления правды на земле. Иногда, повидимому, его мечты разлетались, замысел распадался и, как, например, в "Записках из подполья", во всех невольных любованиях им своими "сверхчеловеками", хотя и смиренными и даже казнимыми иногда (самоубийство Ставрогина) — какой то несвязанный образом Христа и идей "всемирного единения" дух — сквозил в исканиях Достоевского.

В "Великом Инквизиторе" ("Братья Карамазовы") как бы с особенной и крайней резкостью поставлен вопрос о "свободе" и подчинении этой свободе "единству" во имя общего счастья... Если в "Бесах", в знаменитой пародии на социализм (скорее — "большевизм", как бы предчувствовавший себя Достоевским), в "шигалевщине" — Достоевский видел в "уравнительном", обезличивающем, всеподстригающем социализме, лишь "стойла", где всякому все предназначено и где "все за всеми шипонят", то в "Великом Инквизиторе" этого осуждения нет даже для "безхристианского социализма". Тут только мучительный вопрос: как же сочетать и можно ли сочетать полную свободу с общим благом... Можно ли, далее, сочетать Христову любовь с организацией, по плану Инквизитора, ма-

териального общего блаженства. Что выбрать? Должен ли преобразования человека, бовь и нравственную сторону "мезаллическое" устройство того благосостояния? Правда, просом чувствуется шаг к вольному, но свободному, ви сложившемуся миру, а не к визиторской" организации. Весь роман как бы устремлен к этому.

В "Речи о Пушкине" — о "братском соглашении" — "мен" словно бы находит выход в вере, что эта идея осуществима. Пушкин — такого заключения в области человечества через его "любовность", "всепонимание" гих. Но окончательного ответа не дал. И в этом трагических сторон его пути. Достоевский уже Штирнером и не раз подражал его "Единственному", уже увлекался и утопическим социализмом, особенно Фурье, же весь в Евангелии... И ничная свобода "хотения" — иногда захлебывается в волю илзи устроить мир ранее обдуманному замыслу, же что то от "фашизма" и "альшевизма" вновь и вновь онять "разоблачение" и выказание" Достоевский влет о Раскольникова. Его —зять на власть это

(зачеркнуто): чтобы делать ему добро). Как характерно это колебание ("зачеркнуто")! Правда, Достоевский в одном из писем говорит, что Раскольников "принужден был сам на себя донести", раз'единенность с человечеством замутила его"... но — и это "чувство владычества", как и идея — принести благо людям по плану Инквизитора — все это бродило в Достоевском и ставило вопросы — и не было чуждо его сомнениям, тайнам его души. Может быть, действительно, в своем творчестве он не дал, как считает г. Гроссман, полного ответа, но все же, думается нам, если отбросить многое из временной политики его "Дневника" — Достоевский — и по "Братьям Карамазовым", его завершительном и лучшем романе, — и по новым материалам личного характера, ближе всего стоял к концу жизни к решениям, намеченным в приведенной выше выдержке из дневника. Да, творческая личность!.. Да, личность свободная! Но личность "на вершинах своих" (таким становится Алеша Карамазов, написанный отчасти с Вл. Соловьева) сливающая свое счастье с общим.

"По великим законам природы".

Таков один из мотивов "философских драм" Достоевского, широкий, мечтательный, весь вытекающий из внутренней, а не из цифр и фактов, а потому более, правда, пленяющий, чем доказывающий.